

# В Рим со своими руинами

«Облако» Валерия Кошлякова в итальянской столице

КОММЕРСАНТ. - 2004. - 1 октябрь. - с. 22

## ВЫСТАВКА современное искусство

**В Риме в Музее современного искусства открылась выставка Валерия Кошлякова «Облако». Одновременно в мэрии Парижа открылась его выставка «Пейзаж жизни». Похоже, Валерий Кошляков начинает занимать место первого русского художника на Западе. Рассказывает ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.**

На первый взгляд успех Валерия Кошлякова — пример исключительно грамотной пиар-кампании. В 2002 году Виктор Мизиано позвал его на биеннале в Сан-Паулу, в Бразилию, а в прошлом году он был одним из художников, представлявших Россию на Венецианской художественной биеннале (комиссаром русского павильона был Евгений Зяблов, а куратором — тот же Виктор Мизиано). После этого парижская галерея Ogel Art (Илона Орел, Ольга Голованова) начала продвигать художника в европейские музеи. Летом этого года состоялась его выставка в Париже, в церкви Сен-Луи де ла Сальпетриер, сейчас его пригласили одновременно в мэрию Парижа и в Музей современного искусства (MACRO) в Риме. Не то что ни один другой русский художник не удостоивается таких приглашений, но редко чей успех оказывается столь стремительным.

Однако, признавая чрезвычайно важную роль кураторов и поражаясь качеству их работы, вместе с тем не понимаешь, как это совместить с фигурой Вале-

рия Кошлякова и с его творчеством. Это какой-то некураторский продукт. Это художник, очень далекий от конъюнктуры современного искусства. Он не разрушителен, не ироничен; главное чувство, которое руководит им, — это какой-то неиссякающий восторг перед величием прошлого. Для того, что принято называть современным художником, это чувство прямо-таки неприличное. При этом свою тему Валерий Кошляков проводит с такой последовательностью, что куратору рядом с ним делать нечего: это художник, сам определяющий направление своего творчества, ему нельзя объяснить, что и про что делать. Его можно курировать только в традиционном смысле этого слова, то есть просто заботиться о продвижении его работ, а для современного кураторства это труднопереносимое занятие.

Впрочем, эти соображения приходится отбросить, когда видишь его римскую инсталляцию. Во всяком случае, так кажется вначале. Потому что вместо его полотен вдруг обнаруживаешь самый что ни на есть современный художественный продукт — видеоинсталляцию. Все-таки и его дожали, с тоской думаешь ты. Не будет больше картин, будет арт.

Пол зала, где располагается выставка, представляет собой большой макет какой-то российской местности. На макете — занесенные снегом огороды, какие-то лабазы и заборы.

На стене — большие куски картона, наклеенные друг на друга и вместе образующие некий экран. На него проецируется фильм с фрагментами архитектуры, очень смутными, едва различимыми — то колоннами, то шпилями, то арками. Камера прыгает и снимает косо. В такт прыжкам звучит саундтрек из фрагментов классической оперы, записанной на шипящей грампластинке: Карузо перепрыгивает во что-то русское и обратно. В общем, это вполне образцовый продукт современного видеоарта — режущий звук, непрофессионально снятое кино, рваный экран, неясный макет непонятно чего.

Но чем дальше смотришь это кино, тем с большим удивлением обнаруживаешь, что и этим языком Валерий Кошляков продолжает говорить то же, что говорил и своей живописью. Инсталляция называется «Облако». Это нечто очень автобиографическое. Вот этот ландшафт — какая-то богом затерянная провинция, вроде города Сальска, в котором он родился. Откуда там классическое искусство? Что это такое — классика для города Сальска? Тут вдруг понимаешь, что, собственно, поймано этим макетом и фильмом: ощущение невероятного чуда от присутствия великой классической традиции среди заснеженных полей и покосившихся заборов. Оно непонятно в чем, непонятно где, непонятно как. В обрывках классических опер, звуча-

щих с затертых пластинок? Или в миражах каких-то фантастических строений, которые вдруг различаются в плывущих над головой облаках? Это выглядит скорее не как искусство, а как размышление над обстоятельствами его рождения; глядя на неясные фрагменты строений, мерцающих в рваном облаке экрана, понимаешь, как из этого ощущения рождались картины Кошлякова, или даже ощущение какого чуда он хотел передать своими картинами. При этом чудо оказывается совсем не связанным с городом Сальском. Наоборот, в Риме оно выглядит даже более пронзительным.

Инсталляция была представлена здесь в рамках так называемой «белой ночи». В европейских столицах уже несколько лет проводятся эти «белые ночи» (из солидарности с Петербургом?) — это когда всю ночь открыты все музеи, современные художники представляют разнообразные проекты, а на центральных площадях города устраивают дискотеки. Надо сказать, что современного искусства в Риме, по счастью, немного, а классики — наоборот, но атмосфера ночного приобщения к ней создает свой эффект. В сполохах электрического света и диких звуках дискотечной музыки, в толпах то ли туристов, то ли просто незнакомого молодого племени на мотороллерах и фонтаны Бернини, и термы Каракаллы кажутся миражами, настолько же посторонними

современной жизни, насколько они посторонни огородной жизни Сальска. Город и выставка оказываются родственными инсталляциями, и то чудо высокого, которое ухватывает Кошляков, из провинциального российского обстоятельства становится чудом современной жизни вообще. Ведь правда непонятно, откуда бы в ней могло возникнуть нечто возвышенное и где, собственно говоря, его место. В сегодняшней системе ценностей возвышенное не предусмотрено. Бывает высокое в виде, скажем, высокой моды, а возвышенного как-то нет. Но оно все-таки достаточно существует — то ли в виде римских руин, то ли скорее в виде их отсветов в небе. Облака, как сказал один философ, это руины града небесного, данные нам в ощущении. Вот это Валерий Кошляков и видит.

Но бывают чудеса и покруче. Ведь не может же быть, чтобы именно такое искусство, родившееся из шипения трофейной грампластинки на сальском патефоне, из мечты о мировой культуре, которая была так недостижима, как заоблачные высоты, вдруг стало самым успешным русским искусством на Западе? Не социоэротика бомжей, не рождественские живые картины из жизни даунов, не тонкая поэтика игры с садоматозом тоталитаризма, а вот это непосредственное ощущение чуда от присутствия высокого? А вот смотрите — случилось. У нас на глазах.

Кошляков Валерий  
7 10 04